

УДК 94(475)

**КУБАНСКИЙ ПОХОД ВОЙСК П. М. АПРАКСИНА 1711 Г.
(ИЗ ИСТОРИИ ОСМАНО-РОССИЙСКИХ ВОЙН 1710–1713 ГГ.)**

Ю. В. Приймак

**KUBAN CAMPAIGN OF P. M. APRAK SIN'S TROOPS IN 1711
(FROM THE HISTORY OF THE OTTOMAN-RUSSIAN WARS 1710–1713)**

Yu. V. Priymak

В статье рассматриваются события похода российских войск на Кубань (в пределы Крымского ханства) в 1711 году. Автор анализирует силы противоборствующих сторон, ход боевых действий, итоги похода и его значение.

The events of Russian troops' campaign in the Kuban (in the bounds of the Crimean Khanate) in 1711 are considered in the article. The author analyzes the forces of warring parties, the course of the fighting, the campaign outcome and its importance.

Ключевые слова:

Крымское ханство, Кабарда, османо-российские войны, калмыки, ногайцы, Кубанская Татария, казаки-некрасовцы, Азов, Северо-Западный Кавказ.

Keywords:

Crimean Khanate, Kabarda, Ottoman-Russian wars, the Kalmyks, Nogai, Kuban Tatar, Nekrasov Cossacks, Azov, North-West Caucasus.

По данным «Послужного списка Кубанского похода 1711 года», начало экспедиции на Кубань было положено выступлением из Казани 13 мая 1711 года регулярных войск под командованием П. М. Апраксина. В их состав входили:

«батальон губернаторский» – 590 человек, «полк казанский» и полк бригадира Афанасия Мамонова – 1 197 и 1 200 солдат. Кавалерия состояла из «шквдрона» в 600 всадников, полков: драгунского Казанского – 1 333 человека, драгунского Свяжского под командованием иноземца Филиппа Суаса – 892 солдата; 541 драгуна «шквдрона» Уфимского полка [1]. Кавалерия двигалась сухим путем, а пехота «плавным ходом» на судах по реке Волге. К Царицыну войска П. М. Апраксина подошли 30 мая, где соединились с солдатским полком, прибывшим из Астрахани под командованием полковника Рихтера в количестве 1 113 человек.

У Царицына войскам П. М. Апраксина пришлось задержаться, ожидая подхода союзной калмыцкой конницы. В письме к брату Ф. М. Апраксину, датированном 3 июля 1711 года, П. М. Апраксин писал, что калмыками предводительствовал «Чапдыржан хана калмыков сын и внуки его», а сам Аюка, не пошедший в поход, «остался для старости» [2]. Численность калмыцкой конницы источники определяют одинаково – в 20 000 всадников, однако, по ведомостям калмыков, насчитывалось 20 474 человека и лишь небольшая их часть была «вооружена железными бронями» [3].

Кроме того, в составе войск П. М. Апраксина находилось 1 000 яицких казаков, артиллерийская прислуга, донцы, обозные солдаты, командиры и адъютанты, а общая численность регулярных частей и казаков определялась в 13 888 человек [4]. Если прибавить к этому количеству 20 474 всадника калмыцкой конницы, то численность войск П. М. Апраксина, участвовавших в Кубанском походе, можно определить в 34 362 человека.

Пятого августа 1711 года П. М. Апраксин подошел к Азову и стал лагерем «в версте» за городом с «кубанской стороны», а калмыки расположились у Дона выше и ниже Азовской крепости [5]. За Азовским уездом начинались земли Крымского ханства (Кубанской Татарии, или Кубанского сераскерства) и Османской империи (санджаки Ачу, Таманский и Адахунский), обладавшие к началу боевых действий многочисленным населением и значительными мобилизационными возможностями.

В трактате неизвестного османского автора, датированном нами 1708–1710 годами, под заглавием «Относительно значения крепостей Озю и Темрюк, о необходимости надлежащего исправления их и починки, а также о способе их восстановления», опубликованном чешской исследовательницей З. Веселой, содержатся важные сведения о военном потенциале Кубани накануне вторжения войск П. М. Апраксина. По данным османского источника, турецкие крепости Тамань, Кызылташ и Ачу находились в полуразрушенном состоянии, а крепость Темрюк имела шесть-семь орудий крепостной артиллерии и гарнизон, страдавший от дезертирства, который состоял из 15–20 рядовых янычар и нескольких ямаков [6]. Более подробно источник описывает кочевья разбросанных в Приазовье и на Кубани ногайцев. Племя ямасандак числом от 400 до 500 человек обитало в землях «абазинских и черкесских беев», не имея ни пушек, ни ружей, здесь же размещалось 6 000 ногайцев кыпчак; 2 000 едисанцев кочевало на острове Минтана в окрестностях крепости Ачу, а племя кытай в количестве 5 000 человек занимало территорию по Кубани от Ачу к Азову [7]. Говоря о некрасовцах и казаках-старообрядцах, поселившихся на Кубани при хане Каплан Гирее I, турецкий автор отмечал, что их общее число достигало 10 000. «А сами они, – сообщал источник, – живут между реками Анапой и Пучгаз на склоне горы Абаза. Они имеют шесть пушек тимур и три пушки шахи. Они насыпали валы вокруг того места, где проживают» [8]. При этом некрасовцы испытывали на себе

постоянное давление со стороны коренного населения Кубани, что отражено в работе П. П. Короленко и «распросных речах» задержанного на Дону «воровского казака», показавшего, что их «кубанские владельцы хотят выслать вон» [9]. Вместе с тем и ногайцы, и некрасовцы составляли самую боеспособную часть крымских войск на Кубани, постоянно тревожа российские пределы своими набегами [10]. Достоверных данных о военном потенциале черкесских вассалов Крыма и Порты крайне мало, однако источники интересующего нас периода указывают на участие «черкесов» и «абазинцев» в боях против войск П. М. Апраксина [11].

От Азова к Кубани войска П. М. Апраксина и калмыки Чапдержапа двигались безлюдной степью, в то время как основная дорога, связывавшая Прикубанье с низовьями Дона, пролегла вдоль побережья Азовского моря. Однако устья степных рек Приазовья с их заболоченной местностью делали этот маршрут пригодным лишь для конницы, в то время как пехота, обоз и артиллерия всегда перевозились турками к Азову по морю. Избрав другой путь, П. М. Апраксин не только получил возможность везти за собой обоз и артиллерию, но и сохранил скрытность движения значительной массы войск. В этой связи трудно согласиться с мнением Н. Бранденбурга о том, что войска Апраксина шли степью, так как не знали местности и не имели подробных топографических карт [12], ведь степная дорога была хорошо известна не только ногайцам или российским лазутчикам, но и калмыкам, совершавшим этим маршрутом набеги на Кубань.

Дальнейшее подробное описание маршрута движения войск П. М. Апраксина к Кубани дается по сведениям из «Послужного списка кубанского похода 1711 года», опубликованного Н. Бранденбургом. «1-й стан: августа 14-го, от Азова у реки Кагальника, ходу было 11 верст 300 сажен; вода сладкая. 2-й стан: августа 16-го, от того места по той же реке Кагальнику вверх, ходу было 16 верст. 3-й стан: августа 17-го, от реки Кагальника поворотили направо круто и, не дошед Чюнбургских вершин, стояли в степи без воды; ходу было 9 верст. 4-й стан: августа 18-го у реки Еи, ходу было 29 верст, вода горькая. 5-й стан: августа 19-го, от реки Еи, отошед 9 верст, в степи без воды. 6-й стан: августа 20-го, до реки Сасык-Еи, ходу было 24 версты; вода горькая. 7-й стан: августа 21-го, от реки Сасык-Еи, 12 верст 300 сажен, в степи без воды. 8-й стан: августа 22-го, до реки Чалбасу, ходу было 10 верст 200 сажен, вода горькая. 9-й стан: августа 23-го, от реки Чалбасу, ходу 15 верст 200 сажен, в степи без воды. 10-й стан: августа 24-го, от того места до реки Керпели, ходу 15 верст 100 сажен; вода горькая. 11-й стан: августа 25-го, от реки Керпели до реки Бисуги, ходу было 4 версты 100 сажен, вода горькая» [13]. Здесь следует обратить внимание на то, что составитель «Послужного списка...» допустил ошибку, поместив реку Бисугу (Бейсуг) южнее реки Керпели (Кирпили), а не наоборот.

В междуречье верховьев Бейсуга и Кирпили произошли первые столкновения россиян и их союзников с кубанскими ногайцами, что отражено в списках потерь Кубанского похода, фиксируемых с 24 августа 1711 года [14]. Первые бои авангарда П. М. Апраксина с ногайскими разъездами нарушили скрытность продвижения русских войск, вынудив командующего 26 августа, находясь от «Кубану за 100 верст», направить в Прикубанье 1 500 донских и яицких казаков, азовский «шквандрон» в количестве 600 всадников и отряд регулярной кавалерии, увеличивший общее число партии до 3 400 человек. Кроме того, на Кубань были направлены 14 000 калмыков во главе с тремя внуками и зятем Аюки-хана [15].

С остальными силами и калмыками Чапдержапа Апраксин подошел к Кубани только 28 августа, выйдя на берег реки в ее среднем течении. Первые крупные сражения войск П. М. Апраксина с «кубанцами» произошли 29 августа 1711 года, о чем «Послужной список...» содержит следующие сведения: «И в тот день, салтаны кубанские по разным местам по Кубану во многих собраниях были, но противного собранием бою дать не могли, но с великим страхом как могли по Кубану в крепкие места и за Кубань с женами и детьми бежали, топясь, с многим страхом, где их в тот день побито и в полон побрано, и в реке Кубани потонуло многия тысячи» [16]. Приведенное свидетельство указывает на то, что появление в сердце Кубанской Татарии столь многочисленного противника оказалось неожиданным для ногайцев, вызвав панику у населения Прикубанья. Ослабленные отсылкой значительных сил в Подунавье, к войску Девлет-Гирея II, в верховья Кубани с нуреддин-султаном и отсутствием ушедших в набег на южные уезды России воинов Чан-Арслана [17], ногайцы Кубани не смогли собрать силы для организованной защиты своих кочевий.

По официальным данным, с 24 по 29 августа 1711 года потери кубанских татар составили убитыми 11 460, утонувшими в Кубани 5 000 человек; взятых «в полон» насчитывалось: мужчин – 700 человек, «жен и детей» – 21 400. Войсками П. М. Апраксина и калмыками Чапдержапа было захвачено: верблюдов – 2 000, лошадей – 39 200, «скотин рогатых» – 190 000, овец – 227 000. За этот же период войска П. М. Апраксина понесли следующие потери: были убиты 1 вахмистр, 1 каптенармус, 50 драгун, 4 солдата саратовского и самарского полков, 50 донских казаков, 13 яицких и 251 калмык. Ранения получили: 1 драгун, 4 саратовца и 290 калмыков. Кроме того, ногайцами были захвачены в плен: 1 прапорщик, 18 драгун и солдат, других нижних чинов 6 человек [18]. В течение двух дней Апраксин простоял на Кубани, ожидая подхода войск, направленных ранее разорить низовья Кубани, где находились ногайские кочевья, резиденция сераскера (столица Кубанской Татарии город Копыл) и селения некрасовцев. Тридцать первого августа Апраксин выступил в поход по направлению к верховьям Кубани, пройдя за 4 дня 86 верст. Двигаясь вверх по Кубани, П. М. Апраксин получил известие об успешных действиях кабардинских союзников России в Закубанье. В указе Правительствующего сената Посольскому приказу от 10 ноября 1711 года упоминалось о бое между «кубанцами» и «горскими черкесами», который закончился победой кабардинцев, уничтоживших 359 и взявших в плен 40 татар [19]. Однако 4 сентября Апраксин прекратил поход и отправился с войсками в обратный путь к Дону.

Такое решение вызвало неудовольствие кабардинских союзников, надеявшихся на соединение с войсками Апраксина. «По обещанию нашему намерение было такое, – писали кабардинские владельцы Петру I, – чтоб Апраксину приходить на Кубань с Азовской стороны, а нам, черкеским войскам, итти горскою стороною; и главной над войски боярин ваш, не дав нам ведомости и не исполня обещания, возвратился назад. И о том мы зело опечалились, для того, что будто мы стали ему ненадежны, и в том на него пеняли» [20]. Жаждавшие военных подвигов кабардинские владельцы, надеявшиеся на помощь русских штыков, конечно, не могли быть осведомлены о тонкостях российской внешней и внутренней политики. Поэтому уход с Кубани войск П. М. Апраксина вызвал у них определенное разочарование. Однако сам П. М. Апраксин имел массу оснований для прекращения Кубанского похода.

Во-первых, мир на Пруте, завершивший первую из османо-российских войн 1710–1713 годов, был заключен еще 12 июля 1711 года, а из этого следует, что почти два месяца российские войска в Приазовье и Прикубанье вели бои в нарушение договора. Поэтому, возможно, именно в первых числах сентября 1711 года Апраксин мог получить приказ о прекращении похода.

Во-вторых, после завершения событий на Пруте в Прикубанье могли быть переброшены значительные силы татарской конницы и войска Апраксина могли быть окружены или отрезаны от российского Приазовья.

В-третьих, цели похода были достигнуты, а превращать Кубанский поход в Кабардинский Апраксин просто не имел «высочайшего повеления», тем более что кабардинское направление изначально считалось вспомогательным.

По завершении боев в Приазовье войска П. М. Апраксина стали отходить к Дону через верховья степных рек, то есть тем же маршрутом, что и шли на Кубань. Отойдя от Кубани на 50 верст, к реке Чале (р. Сал?), П. М. Апраксин от пленных татар получил сведения, что из набега на Саратовский и Пензенский уезды, «с русским полоном», возвращается 3 000 ногайцев китаикпчачков и 20 кубанских мурз во главе с Чан-Арсланом. Навстречу врагу была направлена калмыцкая конница, которая, истребив ногайцев, освободила от двух до пяти тысяч русских пленных [21]. В архивных материалах и иных источниках о поголовном истреблении ногайцев близ реки Чалы говорится, что калмыками было пленено 120 ногайцев, а спастись бегством удалось лишь одному раненому мурзе да двум «черным» кубанцам [22].

В то время как войска Апраксина находились у реки Чалы (р. Сал?), а калмыками были разбиты китаикпчачки Чан-Арслана, за отходившими к Дону россиянами и их союзниками с Кубани была организована погоня. Раненный в бою с кабардинцами нуреддин-султан по возвращении на Кубань собрал значительные силы ногайцев, черкесов и «воровских» казаков в количестве 7 000 человек, из которых 3 000 составляли некрасовцы [23]. Шестого сентября 1711 года недалеко от реки Чалы произошел еще один бой войск П. М. Апраксина с конницей нуреддин-султана, силы которого были разбиты [24]. «Тех татар, – отмечается в источнике, – побили и кололи до самой реки Кубани; побито 1 400, живы взято 470» [25].

В дальнейшем при возвращении российских войск от реки Чалы (р. Сал?) на Дон никаких боевых действий с крымцами не велось. «Итак милостию божию, – писал П. М. Апраксин брату, – и счастием царского Величества оружия Кубань вконец разорена» [26].

Оценивая итоги Кубанского похода 1711 года, следует отметить, что по своим результатам это событие имело куда более важное значение, чем простая демонстрация военной и политической мощи России эпохи Петра.

Во-первых, в политическом отношении впервые со времен Крымских походов В. В. Голицына российские войска осуществили успешное вторжение в глубь одной из богатейших провинций Крымского ханства. Тем самым воинственным ногайцам, некрасовцам, горским вассалам Крыма и Порты была продемонстрирована их уязвимость, а союзным и дружественно настроенным народам Центрального и Западного Кавказа возможность обрести в России как политическую, так и военную силу, способную сдержать крымско-османскую экспансию в регионе.

Во-вторых, как справедливо отмечали В. Б. Виноградов и Т. С. Магомадова, успешно осуществленные совместно с войсками П. М. Апраксина «поиски»

кабардинцев на Кубань открыли новое, опасное для Крыма и эффективно использованное в последующих османо-российских войнах XVIII века направление походов в восточные пределы Крымского ханства с Терека и Кабарды [27].

В-третьих, победоносное завершение Кубанского похода позволило России не только, пусть и на время, обезопасить от татарских набегов свое приграничье в Северо-Восточном Причерноморье, но и отчасти восстановить пошатнувшееся после неудачи на Пруте равновесие сил во взаимоотношениях с Османской империей и Крымским ханством.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Бранденбург Н. Кубанский поход 1711 г. // Воен. сб. LIV. № 3. СПб., 1867. С. 30.
2. РГА ВМФ (Рос. гос. арх. военно-морского флота). Ф. 233. Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. Оп. 1. Д. 16. Л. 70.
3. Бранденбург Н. Указ. соч. С. 32.
4. Там же.
5. Там же. С. 35.
6. Весела З. Турецкий трактат об османских крепостях Северного Причерноморья в начале XVIII в. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Ч. 2. М., 1969. С. 124.
7. Там же. С. 124–125, 130.
8. Там же. С. 124–125.
9. Короленко П. П. Некрасовские казаки: ист. очерк, составленный по печатным и архивным источникам // Изв. О-ва любителей изучения Кубан. области. Вып. 2. Екатеринодар, 1900. С. 18; РГА ВМФ. Ф. 233. Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. Оп. 1. Д. 16. Л. 24.
10. РГА ВМФ. Ф. 233. Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. Оп. 1. Д. 28. Л. 2–3, 16.
11. Там же. Д. 16. Л. 84; Бранденбург Н. Указ. соч. С. 39.
12. Бранденбург Н. Указ. соч. С. 35.
13. Там же. С. 35–36.
14. РГА ВМФ. Ф. 233. Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. Оп. 1. Д. 16. Л. 81.
15. Бранденбург Н. Указ. соч. С. 36.
16. Там же. С. 37.
17. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: док. и материалы. М., 1957. Т. 2. № 5. С. 6; Короленко П. П. Указ. соч. С. 22; Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1: От древнейших времен до Ермолова. Вып. 2. Изд. 2-е. СПб., 1887. С. 19.
18. РГА ВМФ. Ф. 233. Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. Оп. 1. Д. 16. Л. 81–83; Бранденбург Н. Указ. соч. С. 38, 40.
19. Кабардино-русские отношения... Т. 2. № 6. С. 6.
20. Там же. № 9. С. 9.
21. РГА ВМФ. Ф. 233. Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. Оп. 1. Д. 16. Л. 83; Бранденбург Н. Указ. соч. С. 39; Потто В. Указ. соч. С. 19; Дон и степное Предкавказье: XVIII – первая половина XIX в. Ч. 1: Заселение и хозяйство. Ростов на/Д, 1977. С. 65; Соловьев В. А. Суворов на Кубани: 1778–1793. 2-е изд. Краснодар, 1992. С. 30.

22. РГА ВМФ. Ф. 233. Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. Оп. 1. Д. 16. Л. 84; Бранденбург Н. Указ соч. С. 39.
23. Там же.
24. РГА ВМФ. Ф. 233. Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. Оп. 1. Д. 16. Л. 84; Бранденбург Н. Указ соч. С. 39–40; Потто В. Указ. соч. С. 18.
25. РГА ВМФ. Ф. 233. Канцелярия генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. Оп. 1. Д. 16. Л. 84.
26. Там же.
27. Довгань А. Н. Кубанские эпизоды российско-османской войны 1710–1711 гг. // Археология, этнография и краеведение Кубани: материалы XIV всерос. межвуз. конф. Армавир, 2006. С. 201.